

производстве, на основании исполнительных листов, выданных судом, вынесшим определение о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда. Исполнительный лист выдается по правилам, установленным ст. 480 Кодекса (ст. 535).

Таким образом, в Кодексе гражданского судопроизводства урегулированы вопросы, относящиеся к международному гражданскому процессу: международной подсудности, исполнению поручений иностранных судов, признанию и исполнению решений иностранных судов. Существенных изменений по сравнению с ранее действовавшими нормами по международному гражданскому процессу в Гражданском процессуальном кодексе и Хозяйственном процессуальном кодексе внесено относительно немного. К важной новации следует отнести переход функции центрального органа Республики Беларусь по вопросам международного сотрудничества в сфере гражданского судопроизводства от Министерства юстиции к Верховному Суду Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: 11 марта 2024 г. № 359-З: Принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.01.2026).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.В. Борботько, И.И. Шматков

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) быстро обнаружились пробелы, существовавшие в международном гуманитарном праве. Особые условия (война двух политических блоков) не позволяли воевавшим друг с другом государствам проводить мирные конференции и переговоры напрямую. Договариваться приходилось через нейтральные страны. Благодаря этому в действовавшие уже тогда Женевские и Гаагские конвенции были внесены значительные изменения и дополнения. Среди прочих вопросов в них поднимались и проблемы, связанные с военнопленными всех воевавших государств.

Исследователи вопросов международного гуманитарного права указывают на то, что серьезные изменения и реформирование данной отрасли права были осуществлены после Первой мировой войны на Гаагской (1923 г.), Женевской (1925 г.) и последующих конференциях [1]. Однако ученые недостаточно уделяют внимания попыткам заключения международных соглашений, предпринимавшимся в годы самой войны. Ведь именно эти попытки заложили основы будущих реформ и показали

возможные пути решения неожиданно возникших проблем и затруднений. Поэтому в данной работе рассматривается решение государствами двух сражавшихся военно-политических блоков (Антанты и Четверного союза) круга вопросов, связанных с военнопленными и реформированием международного гуманитарного права в 1914–1918 годах.

Как следует из нашей цели, источниками по теме являются материалы протоколов рейхстага (далее — протоколы), составленные за годы Первой мировой войны. Они сведены в «Стенографические отчеты о дебатах рейхстага» (тома 306–325). Данные книги представляют собой краткие стенографические записи текстов выступлений депутатов, содержат биографические сведения о депутатах, материалы о сессиях рейхстага; приложения, включающие в себя протоколы голосования по законопроектам, запросы и апелляции к правительству и ответы на них, отчеты кабинетов, тексты именных указов императора Вильгельма II, справочную информацию о вопросах, содержащихся в томах той или иной сессии и т.д. Следует подчеркнуть, что с точки зрения критики источников указанные материалы следует воспринимать с наибольшей степенью доверия. Ведь все протоколы тщательно выверялись не только секретарями рейхстага, но и представителями различных политических партий Германии, действовавших в его стенах. Они публиковались в официальном государственном издательстве Юлиуса Зигтенфельда.

Поскольку исследование связано с проблемами гуманитарного права, то вторую группу источников составляют международные конвенции. Данные документы публиковались в официальном издании законодательных актов Германской империи «Рейхсгезецблат» (Reichsgesetzblatt). К тому же они входят в издание «Документы по международному гуманитарному праву», выпущенное в свет немецким Красным Крестом в 2007 году и содержащее тексты международных конвенций на немецком и английском языках [1].

К моменту начала Первой мировой войны воюющие державы ратифицировали все конвенции, подписанные в 1856–1907 гг. Они были выработаны и приняты на конференциях: 1856 года в Париже, 1864 года в Женеве, 1868 года в Санкт-Петербурге, 1899 и 1907 годов в Гааге [1]. Среди указанных международных правовых документов необходимо назвать Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны (18 октября 1907 года) [2], Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (6 июля 1906 года) [1], Конвенцию о морской войне (18 октября 1907 года) [3]. В этой части сборника документов тексты указанных соглашений точно соответствуют содержанию конвенций, опубликованных в иных источниках.

Как уже отмечалось, война показала пробелы в действовавшем праве. Следует оговориться, что рассматриваемые нами соглашения не подлежали ратификации законодательных органов власти. Они являлись соглашениями военных ведомств враждебных друг другу государств, скрепленными авторитетом и посредничеством нейтральных держав (Швейцарии, Швеции, Дании и др.). Например, как подчеркивал Бетманн Голльвег, канцлер

Германии, немцы «... при сложившихся обстоятельствах договаривались не о формальных вопросах, но о более или менее свободных от формальностей соглашениях, которые принимались только после продолжительных переговоров с участием представителей нейтральных стран, а частично также под давлением немецких репрессалий» [4]. Репрессалии, как известно, — принудительные меры, предпринимаемые государством в ответ на незаконные действия другого государства с целью заставить его прекратить эти действия и возместить ущерб. При чтении подобного заявления важно учитывать, что в Первую мировую войну именно немцы практически исключительно воевали на чужой территории. Поэтому они довольно часто нарушали международные соглашения конца XIX — начала XX века, что вызывало возмущение французского, бельгийского, английского и др. правительств. Это, как известно, стало одной из причин попытки проведения международного трибунала над военными преступниками после войны [5]. К тому же мы видим, что в то время еще не был запрещен режим репрессалий и он активно использовался, в данном случае, немецкой дипломатией при заключении международных соглашений.

В 1914–1918 гг. было уточнено применение статьи 14 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны [6]. Она касалась проблемы создания справочного бюро для обмена данными о содержащихся в воюющих государствах военнопленных. Германия, Франция, Великобритания, Италия, Румыния, Россия и Япония договорились о регулярной передаче этих списков (по возможности) раз в неделю, а не после окончания войны (как регламентировала статья) через посредничество своих доверенных представителей из числа нейтральных держав. Однако в отличие от правил, указанных в статье 14, карточка на военнопленного не включала данных о его возрасте, месте происхождения, чине, дне и месте взятия в плен, полученном ранении или смерти. В ней содержались лишь фамилия, имя, номер воинской части, место нахождения в лагере для военнопленных и иные «возможные изменения» [4].

Особого регулирования требовали проблемы, связанные с возвращением санитарного персонала. Женевская конвенция от 22 августа 1864 года предписывала освобождать санитаров, санитарные машины и персонал госпиталей после исполнения ими своих функций (статья 3) [1]. Статья 4 гарантировала, что «скорой помощи, при данных обстоятельствах, должна быть возвращена ее экипировка» [1]. Редакция конвенции 1906 года (ратифицирована Германией в 1907 году) позволяла отступать от этих норм [7]. Воюющие державы стремились задержать врачей и медицинских работников в плену (в силу того, что поступало большое количество раненых пленных). Поэтому по вопросам процедуры возвращения санитарного персонала на родину Германия заключила разные соглашения с различными государствами Антанты. Общим в них было то, что полковые священники признавались членами санитарного персонала, а медицинские работники должны были подлежать обоюдной репатриации.

С Францией было договорено, что к санитарному персоналу будут отнесены не только лица, принадлежность которых к нему точно установлена, но и те пленные, которые утверждают свою принадлежность к санитарам, но не могут этого подтвердить документами. На первом этапе оба государства должны были обмениваться списками передаваемых лиц, а на втором — передать абсолютно всех лиц данной категории без учета их количества. Отдельно оговаривалось, что после освобождения они могут работать только в духовной или санитарно-медицинской службе.

Особенности договора с Россией заключались в том, что значительная территория империи была оккупирована немцами. Население захваченных районов и пленные в лагерях нуждались в медицинской и духовной помощи. Поэтому передаче должны были подлежать не все пленные русские врачи и священники. Предполагалось, что в оккупированных районах останется по 1 врачу и 10 санитаров на 2500 человек, проживающих в нем. Из всего числа священнослужителей, оказавшихся на оккупированной территории, будут освобождаться и передаваться русским властям лишь те, кто болен или находится в преклонном возрасте. При этом большая часть священников останется в лагерях для военнопленных для удовлетворения духовных потребностей содержащихся в них лиц.

Великобритания обязывалась передать весь пленный санитарный персонал (в том числе и содержащийся в протекторатах).

Проблема возвращения домой и расположения в нейтральных странах военнопленных-инвалидов была решена путем заключения двух договоров: «Условия обмена тяжелоранеными между Германией, с одной стороны, и Бельгией, Францией и Великобританией, с другой»; «Условия обмена тяжелоранеными между Германией и Россией» [4]. Оба соглашения перечисляли увечья и болезни, позволявшие относить военнопленных к передаваемым инвалидам: «совершенная или частичная потеря одного или нескольких членов (по меньшей мере, руки или ноги); полная неспособность употребления одного или нескольких членов (вследствие паралича, атрофии мышц, неверного сочленения, опухоли артерии, нарушений позвоночника); длительный паралич; ранения или нарушения в головном мозге с тяжелыми последствиями; ранения или нарушения в спинном мозге; потеря обоих глаз (слепота) или одного глаза со снижением остроты зрения второго на 1/4; значительное повреждение лица или искривление полости рта, что обуславливает значительное затруднение для питания или дыхания; все запущенные случаи туберкулеза; неизлечимые психические заболевания; иные случаи, установленные специальной медицинской комиссией» [4]. Каждая передающая сторона должна была составить медицинскую комиссию с обязательным включением в нее независимых швейцарских врачей. Комиссия занималась вопросом освидетельствования больных и раненых, после чего происходила их передача. Бельгия и Франция производили обмен с Германией через Швейцарию, Великобритания — через Нидерланды, Россия — через

Швецию. К сожалению, в протоколах рейхстага содержатся материалы, касающиеся данного вопроса, только до 31 января 1917 года (документ № 645) [4]. Поэтому о результатах переговоров о подобных соглашениях с другими государствами (например, с Италией) материалов нет. Дело в том, что, как упоминалось выше, переговоры проводили специальные военные комиссии и дипломатические службы. Они не ратифицировались рейхстагом и зачастую отсутствуют в его материалах.

Новые подходы к положению военнопленных требовали решения проблемы посещения концентрационных лагерей комиссиями нейтральных государств. Делалось это для проверки соблюдения условий международных договоров. Статья 15 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны указывала, что уполномоченные этих обществ допускаются «под условием предъявления именного разрешения, выданного военной властью, и дачи письменного обязательства подчиняться всем ее распоряжениям, касающимся порядка и безопасности» [6]. Однако различные ограничения, которые вводили военные власти в силу сохранения секретности, перестраховки, запретов свыше, местных актов законодательства и т.д., привели к необходимости уточнить процедуру данного вопроса. Соглашения были заключены между Германией, Францией, Японией, Великобританией и Россией. Целью посещения могли быть только получение информации о положении пленных и прием от них пожеланий и жалоб [6]. Сами соглашения с каждой из воевавших держав имели свои особенности.

Великобритания дала согласие на посещение представителями благотворительных обществ (*Schutzmächte*) лагерей и госпиталей для военнопленных в любое время без предварительного разрешения со стороны органов власти, а также без предварительного объявления об этом. Для посещения тех пленных, которые находятся на своих рабочих местах или в местах лишения свободы, необходим был предварительный запрос в компетентные военные органы [4].

Франция заключила такое же соглашение, что и Великобритания. Отличие состояло лишь в том, что особо оговаривалось посещение подследственных, которое разрешалось только после предварительной регистрации и в присутствии инспекторов от французских военных властей. Для допуска инспекции в лагерь необходимо было заручиться согласием его коменданта. На основании данного соглашения летом 1916 года два представителя американского посольства в Париже (имена не сообщаются в протоколах) посетили лагерь пленных (не сообщается место его расположения) французских офицеров в Германии [4].

Документы из протоколов свидетельствуют, что подобные посещения проводились крайне редко и касались больше лагерей для офицеров. Большинство же сведений о положении пленных в той или иной стране депутаты получали из сообщений американских газет, ссылавшихся на «осведомленный источник». Поэтому значительная часть запросов в рейхстаге о бедствиях и страданиях немецких пленных опирается лишь на статьи из прессы.

Регулирование проблемы обеспечения пленными продовольствием и денежным жалованьем предусматривала статья 17 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Она указывала, что «военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такового расхода их Правительством» [4]. Здесь опять следует оговориться, что, во-первых, она касалась только офицеров; во-вторых, она ограничивала возможности небогатого государства позволить себе требовать значительного обеспечения для своих офицеров, находящихся в плену; в-третьих, в условиях экономического кризиса, вызванного войной, Германии было трудно выполнять обязательства по данной статье перед странами Антанты. Например, в мае 1916 года Германия и Франция заключили договор «О достаточном снабжении хлебом немецких военнопленных во Франции». Каждый пленный должен был получать по 600 граммов хлеба в день. В свою очередь, немцы должны были обеспечить хлебом французских солдат и офицеров. Поскольку необходимых средств у германского правительства не нашлось, то был объявлен «...запрещенный ранее, сбор хлебных посылок для французских пленнх» [4].

Во время проведения переговоров очень остро стоял вопрос о вычетах, которые должны осуществляться из жалованья пленнх офицеров за различные виды услуг и пищу. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (статья 7) гласила, что «... военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска Правительства, взявшего их в плен» [6]. Соглашения 1914–1918 года, регулировавшие подобные проблемы, не распространялись на рядовой состав. Вероятно, это было вызвано большим количеством пленнх из числа низших чинов армий противника (их содержание обходилось слишком дорого), а также социальным статусом офицеров воевавших держав (они относились к привилегированному слою общества).

По соглашению Германии с Францией и Бельгией «О жалованьи для офицеров» было предусмотрено, что из данных денег можно удерживать до 1/2 за обеспечение человека продовольствием, до 2/3 за врачебный уход, но не могут взиматься деньги за жилье. Величина же жалованья во Франции была установлена следующая (всего 16 категорий): генералу — 600–832 франка, полковнику — 495, подполковнику — 375, капитану третьего ранга — 300–337, капитану — 210–277, старшему лейтенанту — 150–203, лейтенанту — 120–135. В случае если офицера, находившегося в плену, повышали в чине (на Родине), то в лагере для военнопленнх ему также начислялось большее жалованье. Однако для этого требовалось, чтобы о повышении в чине его страна заявила в одном из регулярных официальных изданий в течение двух месяцев после взятия человека в плен. В противном случае пленившая его сторона не признавала повышения в звании [4].

Соглашение с Великобританией предусматривало, что из своего жалованья пленные офицеры должны оплачивать продовольствие, одежду, квартиру, освещение и отопление. Жалованье офицерам (предусмотрено

всего 2 категории) ниже капитана составляло 120 фунтов стерлингов, выше капитана — 135. Повышение в чине признавалось только то, которое было оформлено до пленения [4].

Соглашение с Россией указывало, что из жалования не производятся вычеты за квартиру, а только за питание. В случае, если офицер желал питаться за свой счет, то вычетов вообще не было. Тарифы предусматривали лишь три разряда: генерал получал 125 рублей, офицер штаба или капитан — 75, низший офицер — 50. Повышение в чине признавалось только для солдат (если они получают офицерское звание) [4].

В отличие от Франции, Великобритания и Россия согласились выполнять статью 10 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны: «Военнопленные могут быть освобождены на честное слово, если это разрешается законами их страны, и в таком случае обязаны, с ручательством личною своею честью, добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства...» [6]. В соглашении оговаривалось, что данная статья действует только в отношении офицеров, не применяющихся на работах. Как можно судить из названного документа, его исполнение трактовалось как забота о здоровье пленных — необходимо было позволить им больше двигаться [4]. С лиц, пользовавшихся подобным правом, бралось честное слово и обещание «не убегать и не предпринимать в течение этого времени ничего против безопасности страны содержания» [4]. Однако, как известно, многие русские офицеры использовали представленную возможность для бегства. Наиболее известный пример — М.Н. Тухачевский. При этом они пользовались защитой Статьи 18 Конвенции 1907 года [6]. В случае же их повторного пленения данная статья регламентировала, что «военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег» [6].

Таким образом, Первая мировая война продемонстрировала недостатки и пробелы, существовавшие в международном гуманитарном праве к 1914 году (в области защиты прав военнопленных). Дальнейшее его развитие пошло по тем направлениям, которые были намечены в рассмотренных соглашениях и конвенциях. В очерченный период (1914–1918 годы) были намечены пути и методы решения следующих проблем: репатриации санитарного персонала, священнослужителей и инвалидов, размещения военнопленных для лечения в нейтральных государствах, посещения лагерей для военнопленных представителями международных благотворительных организаций и Красного Креста, продовольственного и денежного обеспечения пленных, прогулок для лиц, лишенных возможности двигаться, признания страной, содержащей пленных, их повышения в звании и т.д.

Вместе с тем серьезным недостатком стало, что многие из данных договоров не касались рядового состава, оказавшегося во вражеском плену, а это, по всей вероятности, было вызвано экономическими и социальными причинами. Поскольку рассмотренные договоры в большинстве своем

не ратифицировались законодательными органами обеих сторон, нося зачастую характер соглашения военных властей, то они действовали только на период этой войны, а гарантами их соблюдения выступали нейтральные государства. Иногда заключение того или иного акта проходило без соблюдения принципов свободы и равенства сторон договорного процесса под действием репрессалий страны-инициатора.

Список использованных источников:

1. Dokumente zum Humanitären völkerrecht — Documents on international humanitarian law. — Genf: Rote Kreuz, 2007. — 1090 S.
2. Haager Landkriegsordnung vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. — 1910. — S. 132.
3. Zehntes Haager Abkommen, betreffend die Anwendung der Grundsätze des Genfer Abkommens auf den Seekrieg, vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. — 1910. — S. 283.
4. Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode. II Session: in 460 Bd. / gedruckt J. Sittenfeld. — Berlin: Norddeutschen Buchdruckerei und Verlag-Anstalt, 1914–1918. — Bd. 320: Anlagen zu den Stenographischen Berichten. — S. 999–1310.
5. Борботько, П.В. Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания Первой мировой войны / П.В. Борботько, В.И. Пушкин, А.А. Сухарев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2005. — № 2(36). — С. 33–37.
6. Действующее международное право: в 3 т. / сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та междунар. права, 1999. — Т. 2: Вооруженные конфликты и международное право. — С. 575–586.
7. Genfer Abkommen zur Verbesserung des Loses der Verwundeten und Kranken bei den im Felde stehenden Heeren, vom 6. Juli 1906 // Reichsgesetzblatt. — 1907. — S. 279.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю.С. Бутримова

Право интеллектуальной собственности — динамическая отрасль права, постоянно развивающаяся и совершенствующаяся. Многие международные акты, принятые еще в прошлом, остаются актуальными и продолжают действовать по настоящее время. Одним из первых и ключевых международных соглашений в области охраны интеллектуальной собственности является Парижская конвенция 1883 года. Именно с ее принятием связывают начало становления международно-правовой системы защиты интеллектуальной собственности. Не оспаривая данного утверждения, некоторые исследователи все же обращают внимание на ценность Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений.